

УДК 343.9

DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628

ЭКСТРЕМИСТЫ: ПРЕСТУПНИКИ И ЖЕРТВЫ РАДИКАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

4 февраля 2019 г.

Дата принятия в печать

2 августа 2019 г.

Дата онлайн-размещения

23 августа 2019 г.

Ключевые слова

Экстремизм; терроризм; радикализм; убийство; самоубийство; насилие; преступление; государство; политика; личность

Аннотация. Радикальное политическое насилие со стороны экстремистских сообществ стало наиболее опасным трендом в современной динамике преступности. Жертвами преступлений, которые совершают террористы-смертники, становятся не только те лица, на которых направлено политическое и идеологическое насилие, но и абсолютно случайные лица за пределами поля политики. Фактические исполнители массовых убийств, в том числе наиболее жестоких актов терроризма, — это экстремисты, страдающие от синдрома убийства-самоубийства, заинтересованные во внимании общества к себе, иррациональным образом убежденные в том, что в их проблемах виноваты абсолютно все люди. Далеко не всегда поведение экстремистов и жертв их радикального насилия напрямую определяется уровнем занятости в системной взаимосвязи правопорядка с качеством социального управления. Эти известные криминологические детерминанты оказывают влияние на форму совершения экстремистских акций и снижают уровень экстремистской агрессии, но не меняют мотивы преступников. Чем выше качество жизни в стране, тем реже случаются массовые убийства, но при этом могут использоваться высокие технологии. Ограничивая возможности применения экстремистами огнестрельного оружия, мы сталкиваемся с их попытками приспособить автотранспортные средства для смертоносных целей. В поведении экстремистов не существует реальной политической борьбы за свободу и независимость, за религиозные ценности, за социальную справедливость; на практике наблюдается иррациональный экстремизм — новое социально-политическое явление деятельного и преступного протеста против самой идеи гуманизма. Насильственный экстремизм формируется на фоне комплекса социальных условий: 1) низкая эффективность социальной политики государства; 2) изоляция индивида от институтов гражданского общества и государственных структур; 3) отчаянное стремление индивида к самореализации на фоне всеобщего безразличия к его проблемам. Личность экстремиста под воздействием криминогенных факторов может становиться жертвой для манипуляций со стороны террористических групп и других криминальных сообществ.

EXTREMISTS: CRIMINALS AND VICTIMS OF RADICAL VIOLENCE

Viktor P. Kirilenko, Georgy V. Alekseev

North-West Institute of Management — Saint Petersburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, the Russian Federation

Article info

Received

2019 February 4

Accepted

2019 August 2

Available online

2019 August 23

Keywords

Extremism; terrorism; radicalism; homicide; suicide; violence; crime; state; politics; personality

Abstract. The radical political violence outgoing from extremist communities became the most dangerous trend in the modern criminal dynamics. The victims of crimes committed by suicide terrorists are not only those who are subject to political and ideological violence, but also absolutely random people outside the field of politics. The actual perpetrators of mass homicide, including the most brutal acts of terrorism, are extremists with homicide-suicidal syndrome, interested in the society's attention to them, convinced, in an irrational way, that absolutely all people are guilty of their problems. The fate of extremists and victims of their radical violence is not always directly determined by the level of unemployment or organized relations between the rule of law state and other social management institutions. These well-known criminological determinants affect the form of extremist actions and crimes, they may lower the level of extremist aggression, but do not change the motives of criminals. The higher the quality of life in the country, the less frequently mass homicide will happen, but it is likely to use high tech. Limiting the use of firearms by extremists, we are confronted with their attempts to adapt vehicles for deadly purposes. The actions of

© Кириленко В.П., Алексеев Г.В., 2019

extremists do not reflect any real political struggle for freedom and independence, for religious values, for social justice; in practice, there is irrational extremism — a new socio-political phenomenon of active criminal protest against the very idea of humanism. Violent extremism emerges against the background of a certain social situation: 1) low efficiency of social policy; 2) isolation of an individual from civil society institutions and state structures; 3) desperate human desire for self-realization that is set against universal indifference to the problems of an individual. Under the influence of criminogenic factors, an extremist's personality may become the object of manipulation by terrorist groups and other criminal communities.

Глобализация и социальные трансформации в современном мире несут в себе определенные детерминанты преступности и угрозы национальной безопасности. «Основные криминогенные последствия вынужденной миграции населения, — как обоснованно полагает председатель Следственного комитета Российской Федерации профессор А.И. Бастрыкин, — на данном этапе проявляются не в преступлениях, совершаемых беженцами или против беженцев, а в потенциальной опасности среды мигрантов как возможного источника массовых нарушений общественного правопорядка...» [1]. Несомненно, неконтролируемая миграция, безработица и другие социальные проблемы значительно повышают вероятность совершения особо опасных насильственных преступлений. Очевидно, что всплеск радикального насилия в значительной степени может быть обусловлен политическими причинами [2], вместе с тем для профилактики преступлений экстремистского характера принципиальное значение имеет психология преступников. Выбор экстремистами жертв своих преступлений и мотивы, которыми они при этом руководствуются, определяют методы борьбы с такого рода преступлениями.

Для криминологического анализа принципиально значим сценарий, приводящий к крайней радикализации насилия в Ираке, Сирии, Сомали, других странах, где фактически подорван правопорядок, систематически совершаются массовые убийства. Очевидные причины беззакония, творящегося в отдельных регионах мира, могут оказаться лишь кажущимся поводом, в тени которого развивается крайне опасная экстремистская идеология. Исследуя проблему «законов о разрешении тайного ношения оружия» (Conceal carry weapon laws), американские криминологи Кристофер Маллинс (Christopher W. Mullins) и Даниэль Кавиш (Daniel Ryan Kavish) демонстрируют, что угрозы со стороны различного рода социальных групп не оказывают существенного влияния на состояние законодательства [3], и, хотя известный

социолог Скотт Мельцер (Scott Melzer) утверждает, что вооруженность обусловлена необходимостью самообороны [4], на практике страх стать жертвой преступления в значительной степени определяется субъективными интерпретациями событий, которые далеки от тех рациональных соображений о вероятности правонарушений, что диктуют зарегистрированные показатели преступности [5, p. 133].

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что экстремизм как идеология радикального насилия не столько определяет (в крайней форме своей радикализации) идеологическое обоснование использования социального насилия, сколько стремится оправдать его применение в глазах самих экстремистов, причем экстремистское применение насилия, как правило, абсолютно иррационально и политически бессмысленно. В отличие от акта терроризма — преступления, связанного с борьбой за власть незаконными методами, экстремизм — опасная идеология насилия [6–8]. Большое число зарубежных ученых исходит из того, что, с одной стороны, многие проявления экстремизма имеют социально-психологическую природу и провоцируют криминальное поведение на индивидуальном уровне вне зависимости от политических взглядов, а с другой стороны, некоторые экстремисты, совершающие жестокие акты насилия, преследуют конкретные политические цели и личные интересы [6; 7].

Исследование столь острой для современного общества проблемы, как покушения на массовые убийства, невозможно без четко обозначенной гражданской позиции в отношении необходимости искоренения всякого преступного насилия в современном обществе. Не подвергая политизации сам предмет научного исследования — личность экстремистов и их социальное окружение, считаем рациональным мнение профессора Рональда Крамера (Ronald Kramer) в вопросе приверженности «публичному криминологическому активизму» [9, p. 519], так как криминологи действительно не-

сут ответственность за то, какие социальные последствия могут актуализироваться под воздействием их «пророческого голоса» [10, р. 231]. Американский криминолог Джоанн Белкнэп (Joanne Belknap) обоснованно полагает, что все мы должны выступать на политической арене в защиту жертв преступлений и против преступности, стараясь контролировать и предотвращать преступность, осуществляя «пропаганду социальной и юридической справедливости» [11, р. 1].

Критикуя тоталитарные политические структуры, американский ученый Пол Холландер (Paul Hollander) отмечает, что «эти движения и системы часто опирались на насильственные средства для достижения своих целей», и призывает рассматривать «отношение интеллектуалов к нацизму, коммунизму и современному исламскому радикализму» в контексте проблемы политического насилия [12, р. 518]. Однако, по нашему мнению, радикальное насилие имеет косвенное отношение к политической или религиозной идеологии, так как оно отражает чуждую для справедливой политики антигуманистическую криминальную природу социальных практик экстремизма. Защита личной свободы предполагает не только эффективную защиту граждан от радикального насилия, но и активизацию политико-правового мышления демократического общества в осознании того, что при совершении деликтов экстремистского характера «преступление есть проявление не просто безнравственности, а духовного рабства» [13, с. 29]. Самым опасным результатом такой паталогической зависимости становится «одержимость идеей» [14, с. 147] как мотив поведения экстремиста.

Методика исследования определяется совокупностью дискурсивного анализа проблем экстремизма и сравнительного исследования примеров применения радикального насилия в результате попадания преступников под влияние экстремистской идеологии, где центральными идеологемами являются особые суицидальные наклонности, ненависть в отношении других людей, фанатичная и иррациональная вера в сверхъестественные сущности. Приемы дискурсивного анализа, предложенные Мишелем Фуко (Paul-Michel Foucault) в его работе «Археология знания» [15], используются нами для обеспечения справедливости в вопросе отграничения борьбы за свободу от насильственного экстремизма. Политические мифы при

сравнительном анализе примеров влияния экстремистской идеологии на правосознание оказываются в одном ряду с широким спектром социальных девиаций, приводящих к трагическим последствиям.

По нашему мнению, под радикальным насилием следует понимать проявление открытого и противоправного социального протеста путем совершения преступлений против жизни и здоровья случайных лиц. Типология и классификация как методы научного познания исполнителей массовых убийств преследуют своей целью характеристику влияния экстремистских сообществ на личность преступника, склонного к проявлению насилия [16]. Познание личности преступника широко востребовано российской криминологией, что требует «индивидуально-научного подхода» к предмету анализа [17–19]. Российскими учеными П.Н. Казберовым и Б.Г. Бовиным обстоятельно доказано, что «большая часть осужденных за преступления экстремистско-террористической направленности к уголовному миру имела слабое отношение...» [20, с. 49]. В этом смысле необходимо детальное «психологическое портретирование» [21] приверженцев идеологии радикального насилия.

Использование метода изучения конкретных ситуаций (case study method) [22] для понимания природы радикального насилия представляется весьма существенным и перспективным. Так, в частности, случай в октябре 2002 г. со снайперами из округа Колумбия (США) Джоном Мухаммедом (John Allen Muhammad) и Ли Малво (Lee Boyd Malvo) показал, что серия жестоких, по сути хулиганских убийств может быть мотивирована целью скрыть другое преступление [23]. Подобные примеры иррационального насилия не имеют очевидной экстремистской мотивации, но находятся за рамками темы экстремизма только на первый взгляд. Безразличие исполнителей преступлений к жизни и чувствам всех членов общества позволяет поставить такие их действия в один ряд с самыми яркими примерами идеологии жестокости и насилия. После того как «техасский снайпер» Чарльз Уитмен (Charles Joseph Whitman) совершил серию убийств в августе 1966 г., стало очевидно, что экстремальное насилие может быть связано с медицинскими причинами (в данном случае у стрелка был рак мозга), хотя подобное поведение могло быть как следствием болезни, так и патологической реакцией на серию жизненных неудач, проблем с долгами

и постоянное психотравмирующее воздействие на личность [24]. В случае Чарльза Уитмена, однако, очевидна и недостаточная эффективность американской системы социальной защиты граждан.

Экстремизм и понимание радикального насилия остаются крайне противоречивыми объектами научного анализа в современной науке. Уголовное преследование за акты насильственного экстремизма предусмотрено международным правом и законодательством практически всех современных государств, однако уровень распространения экстремистской идеологии в современном мире остается весьма высоким. Сами по себе острые политические противоречия не приводят к радикальному насилию [25], необходима особая психология. Причинно-следственная связь нарратива об идентичности с идеологической природой политического насилия оставляет много пространства для размышлений о причинах совершения индивидами массовых убийств [26]. Широкий круг примеров показывает различные пути использования преступниками отчаянного и иррационального убийства людей, которое по общему правилу получает некое мифическое политическое или религиозное оправдание с целью романтизации преступного насилия [27; 28].

Международное осуждение радикального насилия не обеспечивает превенцию массовых убийств и не объясняет принципы выбора преступниками объекта для атаки. В 2016–2018 гг. в Афганистане произошло более 20 нападений с целью массового убийства людей. Пик этой пандемии насилия пришелся на 2017 г. В Кабуле 31 мая 2017 г. был совершен наиболее резонансный акт терроризма. Тогда в результате взрыва погибло более 150 чел. и многие были ранены. Всплеск насилия затронул практически все страны Ближнего Востока. В Египте 24 ноября 2017 г. произошел один из самых кровавых и жестоких террористических актов. В результате взрыва и последующей стрельбы по прихожанам мечети погибло более 300 чел., среди которых было много детей [8, с. 253], однако об исполнителях данных преступлений известно мало. Неясны цели и мотивы исполнителей атак, совершенных против гражданских объектов. Учитывая общественный резонанс, вызванный этими нападениями, никто (даже из радикальных экстремистских движений) не стремился взять на себя ответственность за наиболее смертоносные и политически бессмысленные нападения.

В попытке объяснить подобное поведение западная криминология использует термин «радикализация» [29; 30], который является ключевым для понимания феномена современного терроризма и насильственного экстремизма. Радикализация здесь интеллектуальный процесс, посредством которого индивид попадает под действие экстремистских идей, связанных с опытом насилия, как на национальном, так и на международном уровне. По мнению европейского специалиста по проблемам международной безопасности Манни Кроне (Manni Crone), приобретенный в зонах конфликта социальный опыт транслируется в общественные отношения в ходе особого политического и идеологического процесса радикализации, приводящего к терроризму при наличии необходимых навыков и способностей у лица, осуществляющего применение насилия [31].

Существует тесная связь между индивидуализмом и агрессивным поведением. Поскольку крайне левые экстремистские сообщества озабочены социальной справедливостью, то в США, например, они гораздо реже причастны к актам неизбирательного насилия [32, р. 233]. Однако это не объясняет причин, в силу которых действия радикалов не поддаются рациональной логике и не только приводят к нарушению закона, но и не достигают никаких политических целей, заводя общество в тупиковую ситуацию, подрывая авторитет власти, но не предлагая взамен ничего конструктивного. Сравнительный анализ экстремистских групп и преступных группировок показывает весьма немного различий. Например, рядовые члены уличных банд обычно моложе, чем активные экстремисты, но в целом эти криминальные среды идентичны. Принципиальное сходство между организованной преступностью и экстремистскими сообществами позволяет поставить вопрос об эффективности общих мер по профилактике преступности применительно к проявлениям насильственного экстремизма [33].

Вместе с тем логика действий и социальные портреты экстремистов и рядовых членов уголовного мира значительно различаются. Многие радикалы получили хорошее академическое образование, но озадачивают иррациональными убеждениями и верованиями [34]. Интервьюирование экстремистов обнаруживает, что в масштабах всей предметной области радикального насилия отсутствует какая-либо ясная методология [35]. Различные экстремист-

ские группы демонстрируют, что иррациональность и восприимчивость к мифической идеологии группы — единственное, что связывает воедино все случаи пропаганды и реализации массового неизбирательного насилия.

Дефиниция политического экстремизма может строиться вокруг самых разнообразных религиозных и психологических мотивов и не должна обязательно сводиться к непосредственному насилию [36]. Однако в ряде случаев насильственная риторика оказывает наиболее сильное влияние на групповое насилие, в то время как влияние идеологии минимально [37]. В рамках криминологических исследований насильственного экстремизма выявлено множество психологических, эмоциональных, материальных и групповых механизмов, которые являются потенциально важными факторами индивидуальной радикализации и приводят к высокой вероятности фатальных последствий только при комплексном воздействии [38]. Однако (маловероятное в условиях правового государства) сочетание индивидуальных возможностей и иррационального идеологического окружения в последнее время систематически приводит к трагедиям, и эта опасность носит глобальный характер.

Так, 11 апреля 2011 г. в минском метрополитене на станции «Октябрьская» от взрыва погибло 15 чел. и более 200 пострадало. Преступление совершили граждане Белоруссии Дмитрий Коновалов и Владислав Ковалев, которые не пытались покончить с собой, не выдвигали политических требований, и единственное, что отличало одного из них, — это патологический интерес к взрывчатым веществам. Из обнародованных материалов следствия неясны мотивы преступления, сами преступники объясняют свои действия неким удовольствием, которое им доставляли страдания людей. При совершенно разной картине преступлений в Беларуси, Египте и Афганистане логика и мотивы сторонников радикального насилия могут оказаться идентичными. Одинакова здесь и реакция властей, которые стараются быстрее уничтожить фактических исполнителей массовых убийств.

Общественная опасность организованных групп, несомненно, выше, чем угроза, которую несет криминальная активность отдельных экстремистов, не только демонстрирующих парадоксальную логику в основе мотивов преступлений, но и достигающих иногда результатов,

сопоставимых с разрушительным воздействием организованной преступности. Характеризуя общественную опасность экстремистских сообществ, британский криминолог Антони Ричардс (Anthony Richards) ратует за более четкое различие между экстремизмом мысли (ненасильственным) и экстремизмом метода (насильственным), потому что именно насилие и угроза насилия (неотъемлемая часть терроризма) должны быть в центре внимания борьбы с терроризмом. Однако при этом он признает, что формально ненасильственная экстремистская идеология может приводить к терроризму [39].

Оценивая влияние экстремистских сообществ на криминогенную среду, необходимо принимать в расчет тот факт, что в мировой истории нет ни одного исполнителя, который смог совершить серию значимых террористических атак, связанных с массовыми убийствами. В универсальном масштабе из 180 000 тыс. атак, совершенных с 1970 по 2018 г., около 19 тыс. случаев — это спланированные акции, повлекшие смерть людей, из них только несколько сотен осуществлялось по сценарию умышленного массового убийства. Подавляющее большинство экстремистов предприняли одну-единственную попытку массового убийства, и в результате совершения резонансных атак многие их исполнители погибли. Вместе с тем информация о выживших преступниках, совершивших менее значимые акты насилия, крайне неполна. В Скандинавских странах, например, две трети всех атак, включенных в Глобальную террористическую базу данных (Global Terrorism Database), было совершено преступниками, которые остались неизвестными [40]. За весь период наблюдения от преступлений радикалов в Ираке погибло более 22 000 тыс. чел. Большинство атак здесь имеет политические мотивы и совершается по сценарию военных преступлений с применением неизбирательного насилия.

Результаты исследований британских ученых показывают, что террористические организации, участвуя в планировании и проведении террористических актов, совершаемых террористами-смертниками, не только увеличивают летальность этих атак, но и используют тактические преимущества насилия со стороны террористов-смертников [41]. Всплеск активности «одиноких волков терроризма» [42] лишь подчеркивает опасность террористических организаций, однако не объясняет логику самих исполнителей террористических атак.

В США радикальное насилие «одиноких волков» чрезвычайно высоко [43], однако и здесь наиболее смертоносная атака стала результатом деятельности преступной террористической организации «Аль-Каида». В результате террористических актов 11 сентября 2001 г. (помимо 19 террористов) погибло 2 977 чел., пострадали многие американцы [44]. Эта атака, исследованная больше, чем любой другой акт радикального насилия, обострила вопрос о предотвращении финансирования терроризма [45; 46]. Вместе с тем интерес для нашего исследования представляют личности исполнителей этих преступлений. Международные террористы Зияд-Самир Джаррах и Мухаммед Атта выросли в состоятельных семьях, воспитывались без религиозного фанатизма, учились в Германии, в Гамбурге, где при посещении мечети познакомились с соучастниками Марваном аш-Шеххи и Зиядом Джаррахом, а также представителем запрещенной экстремистской организации «Аль-Каида» Рамзи ибн аш-Шибхом, который способствовал радикализации исполнителей атак против Всемирного торгового центра до уровня террористов-смертников, а сам потом проживал в Пакистане вплоть до ареста в 2002 г. Трагедия в США воодушевила радикальных экстремистов на подрывы поездов 11 марта 2004 г. в Мадриде (погиб 191 и ранено 2 050 чел.), предполагаемые исполнители массовых убийств совершили самоубийство [47].

Если сравнивать преступления организованных террористических групп со смертоносными атаками экстремистов-одиночек, подобными той, что совершил Стивен Пэддок (Stephen Craig Paddock) 1 октября 2017 г. в Лас-Вегасе (тогда в результате стрельбы с крыши здания погибло 58 чел. и еще 546 получило ранения), то очевидны некоторые аналогии. При существенной разнице в организации преступного насилия в обоих случаях, во-первых, правоохранительные органы не могут установить рациональных мотивов исполнителей преступлений, а во-вторых, отчетливо проявляется синдром убийства-самоубийства, который значительно отличается от суицидного синдрома и мотивации серийных убийц [48]. Здесь определенно перспективны обстоятельные исследования в области суицидологии [49].

Качество планирования массовых убийств, как правило, определяет размер вреда от преступления. Печально известный организатор атаки с применением отравляющего газа 20 мар-

та 1995 г. в метрополитене Токио лидер секты «Аум синрикё» Сёко Асахара является примером руководителя экстремистской группы, ориентированной на радикальное насилие. Он пропагандировал скорейшее наступление Судного дня, и в результате его преступных действий 12 чел. погибло, несколько десятков серьезно отравилось. Сёко Асахара — личность крайне незаурядная. Он с детства отличался плохим зрением, потерпел неудачу в бизнесе и политике, но, став религиозным лидером, раскрылся как радикальный экстремист. Единственное обстоятельство, которое спасло японское общество от еще более фатальных последствий, — посредственные способности исполнителей и организаторов актов религиозного террора [50].

Широко известны женщины-террористы, преданные своим политическим идеалам [51; 52], однако радикальное неизбирательное насилие нетипично для женщин, хотя исключения здесь могут быть. Например, 27 января 2002 г. в центре Иерусалима женщина-смертница Вафа Идрис (Wafa Idris) подорвала бомбу, начиненную гвоздями. Погиб один израильтянин и она сама, более 100 чел. получило ранения. Больших жертв удалось избежать только в результате того, что бомба взорвалась раньше планируемого времени. Мотивы преступления сводились к личным неудачам в жизни. Вне зависимости от мотивации самих экстремистов террористические группы способны использовать отчаявшихся в жизни людей для совершения массовых убийств. Так, предположительно Амнат Нагаева и Сацита Джебирханова 24 августа 2004 г. были использованы террористами для организации взрывов на борту двух пассажирских самолетов (погибло 90 чел.), а 29 марта 2010 г. Джанет Абдулаева и Марьям Шарипова, используя пояса шахидов, совершили взрывы в московском метро (погибло 40 чел.), в очередной раз подтвердив факт того, что любой иррациональный и криминальный организационный потенциал может представлять критическую угрозу жизни и здоровью людей.

Многие западные авторы прямо или косвенно указывают на то, что существует два сценария развития радикальной идеологии внутри радикальных террористических групп и экстремистских сообществ. Первый направлен на рационализацию насилия через идеологию религиозного экстремизма, второй основан на идеях радикального национализма и ультраправой идеологии [53]. Существуют и

другие сценарии иррациональной радикализации, в том числе экологический экстремизм [54]. Абсурдность сценария радикализации не снижает общественной опасности экстремизма. Подрыв федерального здания в Оклахома-Сити (США) 19 апреля 1995 г. Тимоти Маквеем (Timothy James McVeigh) унес жизни 168 чел. Мотивом стал мифический квазипатриотизм [55]. Это преступление оказало влияние на всех американцев [56], так как большинство населения США было вовлечено в медийный дискурс и прониклось глубоким сочувствием к погибшим детям и членам их семей.

Личность убийцы-экстремиста определенно влияет на способ совершения преступления [57]. «Одинокие волки терроризма» в эмоциональном плане могут существенно отличаться от фанатиков, привыкших действовать сообща. При этом западные ученые предлагают достаточно детальную характеристику личности террориста-одиночки: «...обида и моральное возмущение; создание идеологии; неспособность присоединиться к экстремистской группе; зависимость от виртуального сообщества в сети Интернет; профессиональные неудачи; радикализация, вызванная изменениями в мышлении и эмоциях, включая когнитивную ригидность, тайное возбуждение, возможна сексуализация насилия; связь психопатологии и идеологии...» [58, р. 347]. Участие экстремистов-одиночек в движении глобального джихада (global jihadist movement) [59, р. 441] демонстрирует способности религиозных групп мотивировать радикальных девиантов к насилию.

Существует особый тип террориста-одиночки, который вписывается скорее в схему маниакального поведения. Так, Питер Мангс (Peter Mangs) совершил серию атак со стрельбой по мигрантам в Швеции в 2003–2010 гг. [60]. По материалам следствия, его отличали явно экстремистские убеждения. Он полагал, что в социальных проблемах виноваты не только сами мигранты, но и все, кто связан, по его мнению, с криминальной средой мигрантов. Поскольку в его случае радикализация не достигла своего апогея, возникла серия преступных действий. Жертвы нападений выбирались убийцей в соответствии с его логикой, направленной против мигрантов. Стрельба 11 декабря 2018 г. в Страсбурге (Франция) аналогична по числу жертв, но является разовым актом неизбирательного террористического насилия со стороны Шерифа Шекатта (Sheriff Shecatt), имевшего более

20 судимостей и использованного религиозными экстремистами для своих целей.

В западной криминологии антиправительственные убеждения связаны с риском финансовых правонарушений, в то время как ксенофобия и религиозный фанатизм связаны с риском насильственных преступлений [61]. Отмечается, что с помощью религиозных догм и социальных мифов подрывается авторитет любой иной морали экстремистов [62], окончательно разрушается правосознание исполнителей актов радикального насилия. При оценке риска радикальных атак предлагается использовать нейрокогнитивный подход, так как фактически исполнители актов неизбирательного насилия подвергаются психологическому насилию со стороны экстремистских сообществ [63].

Существуют попытки представить финансовую неудовлетворенность как ключевой показатель склонности к преступному поведению и несбалансированности ценностных обязательств в правосознании физических лиц [64]. Вместе с тем практика показала, что использование экстремистами современных информационных технологий ориентировано вообще на любые социально незащищенные группы, в том числе на подростков с целью их радикализации [65]. При этом есть все основания полагать, что проблемы с успеваемостью в школе и склонность к насилию способствуют как криминализации, так и радикализации индивида [66].

Под действием экстремистской пропаганды, присягнув террористам-исламистам, 29-летний охранник Омар Матеин (Omar Mir Seddique) открыл стрельбу в ночном клубе Pulse в Орландо (Флорида, США), где убил 49 чел. и ранил 53. Исполнитель этого массового убийства родился в семье умеренных американских мусульман. Он с детства отличался высокой конфликтностью. Мотивы этого преступления на уровне идеологии сходны со ставшей типичной следственной ситуацией массового убийства в школе «Колумбайн» (США, Колорадо), где 20 апреля 1999 г. Эрик Харрис (Eric David Harris) и Дилан Клиболд (Dylan Bennet Klebold) с применением стрелкового оружия и самодельных взрывных устройств убили 13 чел. и еще нескольких ранили, а затем покончили жизнь самоубийством, застрелившись [28].

16 апреля 2007 г. в Политехническом университете Виргинии его бывший студент Чо Сын Хи (Seung-Hui Cho), страдавший аутизмом и шизофренией, следуя тому же сценарию

«Колумбайна», убил 32 и ранил 25 чел.; за два года до фатальной атаки исполнитель массового убийства находился в депрессии и отличался суицидными наклонностями [67]. Другое массовое убийство, произошедшее 14 февраля 2018 г. по аналогичному сценарию в школе во Флориде, отличается тем, что преступник Николас Круз (Nikolas Jacob Cruz) 1998 года рождения был арестован и не пытался покончить с собой. Исполнитель преступления обучался в средней специальной школе для детей с эмоциональными расстройствами. За полгода до трагедии он открыто заявлял о своем намерении стать «профессиональным школьным убийцей», что ярко отражает «комплекс неполноценности личности» [68, с. 50]. Массовое убийство в Керченском политехническом колледже 17 октября 2018 г. совершил 18-летний учащийся Владислав Росляков (в результате взрыва и стрельбы погиб 21 чел., пострадало 67 чел.). Он был склонен к насилию, а мотивом стали личные обиды; следственная ситуация здесь вписывается в типичный сценарий убийства-самоубийства [69].

Распространенное мнение о том, что террористы-самоубийцы готовы пожертвовать собой ради дела, оказывается несостоятельным. Классические черты расширенного самоубийства исполнителя являются частью типичной следственной ситуации массового убийства [70]. Считается, что террористы-самоубийцы — идеологически одержимые люди, с большой долей вероятности склонные употреблять психотропные вещества, как правило, одиночки, которые служили в армии или участвовали в военизированных тренингах [71]. Однако такие характеристики личности преступника специфичны скорее для американского уклада общества. Исследования показывают, что убийство-самоубийство может быть рассмотрено как крайняя (радикальная) форма смертоносного насилия, предотвращение которого напрямую связано с профилактикой девиантного поведения в социальной среде [72].

Анализ широкого круга примеров совершения массовых убийств свидетельствует, что по общему правилу исполнители преступлений склонны к психическим расстройствам и типичному суициду в том числе [73], однако печальный опыт «Колумбайна» показал, что экстремисты могут практиковать коллективное поведение при том, что они разделяют общие убеждения и находятся в сходной жизненной ситуации. Политические последствия мало интересуют ис-

полнителей таких атак, они скорее озабочены личными проблемами, чувствами и переживаниями, стремясь продемонстрировать собственную исключительность и неординарность.

Политизация радикального насилия в западном мире определяется некоторыми особенностями политики неолиберализма, которые требуют использования маскировки в отношении правовых и этических изменений, направленных на дегуманизацию социальных отношений [74]. Американские ученые Джефф Грюневальд (Jeff Gruenewald) и Уильям Придемор (William Alex Pridemore), сравнивая обычные и массовые убийства ультраправых террористических групп, установили, что при массовых убийствах типично использование огнестрельного оружия, преступники и жертвы, как правило, не знакомы, европейцев реже убивают по мотивам расовой ненависти в городах с населением более 100 тыс. чел. [75, р. 141]. Однако проблемы социальной политики и причины экстремизма исследованы недостаточно [76]. При этом обосновано использование для экстремистов специализированных тюремных отделений в качестве средства ограничения радикализации [77], так как тюремная среда, вне всякого сомнения, способствует формированию экстремистских убеждений [78].

В перечень экстремистских и террористических атак часто включаются некоторые события, лишь косвенно относящиеся к идеологии протеста, однако при них жертвы и способ исполнения массового убийства выбираются аналогичным образом [79]. Так, 27-летний Андреас Лубиц (Andreas Lubitz) 24 марта 2015 г. фактически умышленно направил на столкновение с землей авиалайнер Airbus A320-211 авиакомпании Germanwings. Все находившиеся на его борту 150 чел. погибли. Официальной причиной катастрофы стало самоубийство пилота. Можно предположить, что сходная, явно нездоровая и деструктивная логика свойственна многим неизбежным актам радикального насилия.

Примеры это подтверждают и ставят вопрос об адекватном реагировании власти на акты радикального насилия. В Москве 8 января 1977 г. Акопом Степаняном и Завеном Багдасаряном была совершена серия террористических актов, организатором массового убийства стал одержимый идеей независимости Армении Степан Затикиан. Он не смог объяснить рациональными соображениями выбор целей для своих атак. От их первой атаки погибло семь пассажи-

ров московского метрополитена, многие были ранены. Исполнители были задержаны при попытке повторить преступление, в отношении них 24 января 1979 г. был вынесен смертный приговор. Андерс Брейвик (Anders Behring Breivik), организатор и исполнитель взрыва в центре Осло и нападения на молодежный лагерь правящей Норвежской рабочей партии 22 июля 2011 г., иррационально увязал в своем правосознании цели атаки с мусульманами, которые якобы разрушали норвежское общество и поддерживали террористическую сеть «Аль-Каида». В результате его действий погибло 77 чел. и 151 чел. получил ранения [80].

Практика показала возможность совершения массовых убийств исключительно на фоне проблем с психикой без всякой идеологической радикализации. Массовое убийство посредством стрельбы по посетителям закусочной «Макдональдс» в Сан-Исидро (Калифорния) 18 июля 1984 г. устроил психически больной Джеймс Хьюберти (James Oliver Huberty), который остался без работы и не смог своевременно получить медицинскую помощь. Он убил 21 и ранил 19 чел., после чего был застрелен снайпером спецназа [81, р. 112]. Другой американский безработный Джордж Хеннард (George Hennard) 16 октября 1991 г. проехал на своем грузовике через кафетерий в Техасе, а затем застрелил 23 клиента и сотрудника. Убийца незадолго до преступления был уволен за потребление марихуаны и отличался крайней агрессивностью [82, р. 648–650]. Эти акты радикального насилия, как и все остальные рассмотренные нами, имели антиправительственный характер, при их совершении использовались модели поведения из художественных произведений и сводок новостей [83], их исполнители отличались обостренной озлобленностью, которая свойственна одиночкам [84], но может поражать и большие группы людей.

Между поведением душевнобольных и действиями борцов за абстрактные религиозные ценности и политическую независимость, прибегающих к массовым убийствам, много аналогий. Например, нападение на редакцию сатирического журнала *Charlie Hebdo* 7 января 2015 г. в Париже показало полную неадекватность его исполнителей. В результате атаки вооруженных боевиков погибло 12 чел., ранено 11, целенаправленно убит главный редактор издания Стефан Шарбоннье (Stéphane Charbonnier), чьи политические взгляды были, несомненно, спорными,

но именно неадекватные методы борьбы с ними обусловили их самую широкую известность. Исполнители убийства братья Саид и Шериф Куаши (Chérif and Saïd Kouachi) 9 января 2015 г. были убиты французскими силовиками в ходе спецоперации. Террористические акты в Париже 13 ноября 2015 г. совершены также группой, якобы воюющей за ислам. Жертвами теракта стали 130 погибших и более чем 350 раненых, исполнители ликвидированы. Теракт в Ницце 14 июля 2016 г. (Франция) совершил уроженец Туниса Мохамед Бухлель (Mohamed Lahouaiej Bouhlel) 1985 года рождения, который проживал в Ницце, работал водителем грузовика. Он протаранил толпу людей, собравшихся на Английской набережной, чтобы посмотреть фейерверк по случаю Дня взятия Бастилии. Жертвами стали 86 чел., более 430 чел. пострадало. Преступник был убит полицейскими. Эта цепочка событий способствовала модернизации уголовного законодательства Французской Республики в направлении ужесточения норм, нацеленных на борьбу с терроризмом [85, р. 568–575].

Российский опыт чеченского терроризма также показал, что экстремистские убеждения преступников приводят к нерациональному выбору жертв актов радикального насилия. Так, Шамиль Басаев до 1991 г. был обычным советским гражданином, а затем на фоне политических проблем постсоветского пространства радикализировался. Террористический акт в Буденновске с последующим захватом больницы и заложников 14–19 июня 1995 г. показал массовость движения за радикальное насилие на территории Северного Кавказа в то время. В результате теракта погибло 129 чел., 415 было ранено. Организатор атаки и фактический ее исполнитель здесь изучен лучше, чем другие преступники, благодаря своей последующей политической активности и неспособности российской власти в то время его сразу уничтожить. Он отличался низкой договороспособностью, неспровоцированной агрессией, утверждал, что неизбирательный выбор жертв насилия связан с «пониманием» того, что «невиновных нет». Известный террорист Салман Радуев 9 января 1996 г. совершил во многом аналогичное нападение на гражданские и военные объекты. Мовсар Бараев, по материалам следствия, обычный бандит, который получил известность в связи с участием в захвате заложников в здании Театрального центра на Дубровке в Москве в октябре 2002 г. Террористический акт в Бесла-

не 1 сентября 2004 г. исполнялся под непосредственным руководством Руслана Хучбарова, по данным средств массовой информации, заурядного уголовника, образ жизни которого до радикализации был асоциальным и светским. В результате теракта против учащихся школы погибло 333 чел. и свыше 800 получило ранения, из них 186 детей. С 1991 по 2001 г. ситуация вокруг Чеченской Республики активно деградировала. Это фактически доказало, что правовое государство и переход к демократии имеют сложную связь с уровнем смертности от актов насилия [86].

Террористические группы до сих пор стремятся использовать отчаявшихся в жизни молодых людей как инструмент своего политического влияния. Во время проведения Бостонского марафона 15 апреля 2013 г. произошло два взрыва, организованных братьями Джохаром и Тамерланом Царнаевыми. Преступление совершено под влиянием пропаганды террористических организаций исламского толка. Идентичную следственную ситуацию представляет собой теракт в петербургском метрополитене 3 апреля 2017 г., который совершил Акбаржон Джалилов. Сценарии массовых убийств все больше граничат с абсурдом, но опыт борьбы с преступностью дает положительные результаты. Так, в рамках международного сотрудничества предотвращен теракт в Казанском соборе. Есть уверенность, что тем самым спасли жизнь и гражданину России, готовившему преступление, который явно страдал типичными для таких случаев синдромами.

В Новой Зеландии 15 марта 2019 г. 28-летний выходец из Австралии Brent Tarrant (Brenton Harrison Tarrant), живший в виртуальном мире, симпатизируя А. Брейвику, убил более 50 прихожан мечети Al Noor и многих ранил. Премьер-министр Австралии Скот Моррисон (Scott Morrison) охарактеризовал преступника как «экстремиста, правого, насильственного террориста» (SBS Australia, 15 марта 2019 г.). Террористические акты 21 и 22 апреля в Шри-Ланке, где в результате девяти взрывов погибло более 300 чел., якобы стали ответом исламистов одной из террористических групп на атаку против мечети в Новой Зеландии (Euronews, 24 апреля 2019 г.). Практика радикального насилия, ведущая в глубокий кризис гуманизма, изобличает экстремистские сообщества в их стремлении сравнить друг с другом лиц, и без того страдающих расстройствами психики. Очевидна

и потребность в «глобальной криминологии» [87] для того, чтобы противостоять преступному насилию.

Итак, проведенный сравнительный анализ массовых убийств показывает, что чем выше общий уровень культуры лиц, подвергшихся воздействию экстремистской идеологии, тем более потенциально опасны и разрушительны последствия их террористических актов. Также очевидно, что весьма посредственный уровень исполнителей политического насилия компенсируется массовостью террористических актов в условиях, при которых государство не способно обеспечивать правопорядок. Для дальнейшего анализа проблемы принципиальное значение имеют причины крайней ограниченности радикального экстремистского насилия в здоровом обществе и его широкое и неконтролируемое распространение при разрушении правопорядка. Очевидно, что для экстремистов выбор жертв становится случайным, так как они приходят к иррациональному выводу о виновности всех и каждого в причинах насилия. Совершенно справедливо при этом, что «включением убийства в число особо квалифицирующих признаков террористического акта уголовно-правовая охрана жизни была не усилена, а ослаблена» [88, с. 165]. Умышленное убийство людей значительно более опасное деяние, чем формы терроризма, которые исключают убийство людей.

Резонансные массовые убийства достаточно редко совершают женщины, а в случаях, когда это происходит, наблюдается организационное участие террористических группировок в разработке и фактической реализации преступного замысла. Однако и здесь исполнителям преступления свойственно отчаяние, психическая неуравновешенность, отсутствие способности к осознанному выбору цели применения радикального насилия, оправдание собственных действий иррациональной формулой о поголовной виновности всех людей в тех жизненных проблемах, с которыми лично столкнулся экстремист.

Всякое открытое публичное политическое насилие провоцирует ответные насильственные действия со стороны людей, отвергнутых политической системой и гражданским обществом по тем или иным причинам. Однако проанализированные нами конкретные проявления экстремизма являются актами массового убийства, совершенными людьми, разочаровавшимися в собственной жизни и по различным мотивам, от

тщеславия до хулиганства, бросившими вызов остальному обществу в меру своих (разрушительных) способностей. Общее во всех примерах образует отсутствие не только хоть какой-то легитимной военной цели, но и всякого рационального мышления как у экстремистов-исполнителей, так и у террористов — организаторов таких атак.

Подготовленные массовые террористические акты, как и бессмысленные преступления-суициды с сопоставимым количеством жертв, совершаются преступниками со сходной мотивацией на совершение массового убийства ценой самопожертвования. Во всех приведенных выше случаях суициды — это акты малодушия и стремление уйти от реальной жизни и ответственности за преступления в некий нереальный мир, сконструированный внутри экстремистского сообщества. Фактически запрещенные преступные группы становятся для экстремистов примером социальных структур, способных обосновать и легитимировать их иррациональное стремление к суициду и причинению смерти другим людям. Террористическим

организациям в ряде случаев даже не пришлось вербовать психически неустойчивых экстремистов, которые, являясь источником радикального насилия, саморадикализируются на фоне сообщений средств массовой информации.

В то время как многие неформальные практики борьбы за свободу указывают ценности, которых не хватает в официальной политике, и движения сопротивления стремятся раскрыть пути к стратегическим, устойчивым реформам, экстремисты ориентированы на дегуманизацию социальных практик. Проявления экстремизма отражают социально-психологическую природу насилия и провоцируют криминальное поведение на индивидуальном и групповом уровнях, при этом любые рациональные политические взгляды не приводят к экстремизму и радикальному насилию. Маловероятно, что некоторые экстремисты совершают неизбирательные акты насилия, преследуя конкретные политические цели и личные интересы; напротив, мотивы массовых убийств всегда иррациональны, причем как у исполнителей, так и у организаторов смертоносных атак.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бастрыкин А.И. Противодействие этнической преступности в Российской Федерации / А.И. Бастрыкин // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. — 2017. — № 1 (15). — С. 9–12.
2. *Radicalism and Terrorism in the 21st Century: Implications for Security* / ed. A. Sroka, F.C.-R. Garrone, R.D.T. Kumbrián. — Frankfurt : Peter Lang AG, 2017. — 321 p.
3. Mullins C.W. Conceal Carry and Race: A Test of Minority Threat Theory in Law Generation / C.W. Mullins, D.R. Kavish. — DOI: 10.3390/socsci6040149 // *Social Sciences*. — 2017. — Vol. 6, iss. 4. — P. 149–160.
4. Melzer S. Gun Crusaders: The NRA's Culture War / S. Melzer. — New York : Univ. Press, 2009. — 323 p.
5. Chadee D. The Relationship Between Likelihood and Fear of Criminal Victimization: Evaluating Risk Sensitivity as a Mediating Concept / D. Chadee, L. Austen, J. Ditton. — DOI: 10.1093/bjc/azl025 // *British Journal of Criminology*. — 2007. — Vol. 47, iss. 1. — P. 133–153.
6. *Conflict, Violent Extremism and Development: New Challenges, New Responses* / A. Glazzard, S. Jespersen, T. Maguire, E. Winterbotham. — London : Palgrave Macmillan, 2018. — 107 p. — DOI: 10.1007/978-3-319-51484-0.
7. *Terrorism, Radicalisation & Countering Violent Extremism: Practical Considerations & Concerns* / ed. J. Shashi. — London : Palgrave Pivot, 2019. — 158 p. — DOI: 10.1007/978-981-13-1999-0.
8. *Экстремизм в современном мире* / под ред. А.И. Бастрыкина, В.П. Кириленко, В.А. Шамахова. — Санкт-Петербург : Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2018. — 444 с.
9. Kramer R. State Crime, the Prophetic Voice and Public Criminology Activism / R. Kramer. — DOI: 10.1007/s10612-016-9331-x // *Critical Criminology*. — 2016. — Vol. 24, iss. 4. — P. 519–532.
10. Kramer R. State-Organized Crime, International Law and Structural Contradictions / R. Kramer. — DOI: 10.1007/s10612-015-9306-3 // *Critical Criminology*. — 2016. — Vol. 24, iss. 2. — P. 231–245.
11. Belknap J. Activist Criminology: Criminologists' Responsibility to Advocate for Social and Legal Justice / J. Belknap. — DOI: 10.1111/1745-9125.12063 // *Criminology*. — 2015. — Vol. 53, iss. 1. — P. 1–22.
12. Hollander P. Righteous Political Violence and Contemporary Western Intellectuals / P. Hollander. — DOI: 10.1080/09546553.2013.814491 // *Terrorism and Political Violence*. — 2013. — Vol. 25, iss. 4. — P. 518–530.
13. Номоконов В.А. Криминология будущего — позитивная криминология? / В.А. Номоконов, Т.М. Судакова. — DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.029-038 // *Lex Russica*. — 2018. — № 9 (142). — С. 29–38.
14. Антонян Ю.М. Одержимость идеей как мотив преступного поведения / Ю.М. Антонян. — DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.147-161 // *Lex Russica*. — 2017. — № 8 (129). — С. 147–161.
15. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge* / M. Foucault. — London : Tavistock Publ., 1972. — 218 p.
16. *Violent and Criminal Manifestations in Dementia Patients* / G. Cipriani, C. Lucetti, S. Danti [et al.]. — DOI: 10.1111/ggi.12608 // *Geriatrics & Gerontology International*. — 2016. — Vol. 16, iss. 5. — P. 541–549.
17. Кабанов П.А. Типология и классификация как методы научного познания политических преступников в современной российской политической криминологии / П.А. Кабанов // *Криминология: вчера, сегодня, завтра*. — 2013. — № 3 (30). — С. 56–64.

18. Жигарев Е.С. Индивидуально-научный подход как метод познания предмета криминологии / Е.С. Жигарев // Вестник Московского университета МВД России. — 2018. — № 4. — С. 210–215.
19. Фадеев В.Н. Фундаментальная криминология / В.Н. Фадеев // Вестник Нижегородской правовой академии. — 2016. — № 9 (9). — С. 13–18.
20. Казберов П.Н. Общая характеристика лиц, осужденных за преступления экстремистской и террористической направленности / П.Н. Казберов, Б.Г. Бовин. — DOI: 10.17759/psylaw.2019090103 // Психология и право. — 2019. — Т. 9, № 1. — С. 36–53.
21. Шпагина Е.М. Интегрированная природа метода психологического портретирования в правоохранительной деятельности / Е.М. Шпагина. — DOI: 10.17759/psylaw.2015050406 // Психология и право. — 2015. — Т. 5, № 4. — С. 71–79.
22. Souleles D. How to Study People Who Do Not Want to be Studied: Practical Reflections on Studying Up / D. Souleles. — DOI: 10.1111/plar.12253 // PoLAR: Political and Legal Anthropology Review. — 2018. — Vol. 41, iss. S1. — P. 51–68.
23. Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes / J.E. Douglas, A.W. Burgess, A.G. Burgess, R.K. Ressler. — San Francisco : Wiley, 2006. — 555 p.
24. Lavergne G.M. A Sniper in the Tower: The Charles Whitman Murders / G.M. Lavergne. — Denton : Univ. of North Texas Press, 1997. — 324 p.
25. Кириленко В.П. Политические технологии и международный конфликт в информационном пространстве Балтийского региона / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев. — DOI: 10.5922/2079-8555-2018-4-2 // Балтийский регион. — 2018. — Т. 10, № 4. — С. 20–38.
26. Maynard J.L. Identity and Ideology in Political Violence and Conflict / J.L. Maynard // St Antony's International Review. — 2015. — Vol. 10, № 2. — P. 18–52.
27. Hall S. Theorizing Crime and Deviance: A New Perspective / S. Hall. — London : Sage, 2012. — 294 p. — DOI: 10.4135/9781446251669.
28. The Handbook of the Criminology of Terrorism / ed. G. LaFree, J.D. Freilich. — New York : John Wiley & Sons, 2017. — 1008 p. — DOI: 10.1002/9781118923986.
29. Richards J. Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach / J. Richards. — Cham : Springer, 2017. — 228 p. — DOI: 10.1007/978-3-319-55203-3.
30. Dannreuther R. Islamic Radicalization in Russia: An Assessment / R. Dannreuther. — DOI: 10.1111/j.1468-2346.2010.00871.x // International Affairs. — 2010. — Vol. 86, iss. 1. — P. 109–126.
31. Crone M. Radicalization Revisited: Violence, Politics and the Skills of the Body / M. Crone. — DOI: 10.1111/1468-2346.12604 // International Affairs. — 2016. — Vol. 92, iss. 3. — P. 587–604.
32. Correlates of Violent Political Extremism in the United States / G. LaFree, M.A. Jensen, P.A. James, A. Safer-Lichtenstein. — DOI: 10.1111/1745-9125.12169 // Criminology. — 2018. — Vol. 56, iss. 2. — P. 233–268.
33. Cut from the Same Cloth? A Comparative Study of Domestic Extremists and Gang Members in the United States / D.C. Pyrooz, G. LaFree, S.H. Decker, P.A. James. — DOI: 10.1080/07418825.2017.1311357 // Justice Quarterly. — 2018. — Vol. 35, iss. 1. — P. 1–32.
34. Wettersten J. The Rationality of Extremists: A Talmonist Insight We Need to Respond to / J. Wettersten. — DOI: 10.1080/02691728.2011.634528 // Social Epistemology. — 2012. — Vol. 26, iss. 1. — P. 31–53.
35. Harris D.J. Reporting Practices of Journal Articles that Include Interviews with Extremists / D.J. Harris, P. Simi, G. Ligon. — DOI: 10.1080/1057610X.2016.1141009 // Studies in Conflict & Terrorism. — 2016. — Vol. 39, iss. 7–8. — P. 602–616.
36. Jackson S. Non-normative Political Extremism: Reclaiming a Concept's Analytical Utility / S. Jackson. — DOI: 10.1080/09546553.2016.1212599 // Terrorism and Political Violence. — 2019. — Vol. 31, iss. 3. — P. 244–259.
37. Asal V. Sometimes They Mean what They Say: Understanding Violence Among Domestic Extremists / V. Asal, A. Vitek. — DOI: 10.1080/17467586.2018.1470659 // Dynamics of Asymmetric Conflict. — 2018. — Vol. 11, iss. 2. — P. 74–88.
38. Jensen M.A. Radicalization to Violence: A Pathway Approach to Studying Extremism / M.A. Jensen, A.A. Seate, P.A. James. — DOI: 10.1080/09546553.2018.1442330 // Terrorism and Political Violence. — 2018. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09546553.2018.1442330>.
39. Richards A. From Terrorism to «Radicalization» to «Extremism»: Counterterrorism Imperative or Loss of Focus? / A. Richards. — DOI: 10.1111/1468-2346.12240 // International Affairs. — 2015. — Vol. 91, iss. 2. — P. 371–380.
40. Malkki L. Terrorism and Political Violence in the Nordic Countries / L. Malkki, M. Fridlund D. Sallamaa. — DOI: 10.1080/09546553.2018.1447184 // Terrorism and Political Violence. — 2018. — Vol. 30, iss. 5. — P. 761–771.
41. Alakoc B.P. Competing to Kill: Terrorist Organizations Versus Lone Wolf Terrorists / B.P. Alakoc. — DOI: 10.1080/09546553.2015.1050489 // Terrorism and Political Violence. — 2017. — Vol. 29, iss. 3. — P. 509–532.
42. Lone Actor Terrorist Attack Planning and Preparation: A Data-Driven Analysis / B. Schuurman, E. Bakker, P. Gill, N. Bouhana. — DOI: 10.1111/1556-4029.13676 // Journal of Forensic Sciences. — 2018. — Vol. 63, iss. 4. — P. 1191–1200.
43. Phillips B.J. Deadlier in the U.S.? On Lone Wolves, Terrorist Groups, and Attack Lethality / B.J. Phillips. — DOI: 10.1080/09546553.2015.1054927 // Terrorism and Political Violence. — 2017. — Vol. 29, iss. 3. — P. 533–549.
44. Uecker J.E. Religious and Spiritual Responses to 9/11: Evidence from the Add Health Study / J.E. Uecker. — DOI: 10.1080/02732170802206047 // Sociological Spectrum. — 2008. — Vol. 28, iss. 5. — P. 477–509.
45. Cooper K. Security from Terrorism Financing: Models of Delivery Applied to Informal Value Transfer Systems / K. Cooper, C. Walker. — DOI: 10.1093/bjc/azw057 // The British Journal of Criminology. — 2016. — Vol. 56, iss. 6. — P. 1125–1145.
46. Hudson B. Justice in a Time of Terror / B. Hudson. — DOI: 10.1093/bjc/azp034 // The British Journal of Criminology. — 2009. — Vol. 49, iss. 5. — P. 702–717.
47. Dinesen P.T. The Effect of Terror on Institutional Trust: New Evidence from the 3/11 Madrid Terrorist Attack / P.T. Dinesen, M.M. Jæger. — DOI: 10.1111/pops.12025 // Political Psychology. — 2013. — Vol. 34, iss. 6. — P. 917–926.
48. Liem M. Homicide Followed by Suicide: A Comparison with Homicide and Suicide / M. Liem, P. Nieuwbeerta. — DOI: 10.1521/suli.2010.40.2.133 // Suicide and Life-Threatening Behavior. — 2010. — Vol. 40, iss. 2. — P. 133–145.

49. Лисовецкий А.Л. Суицидология и криминалистика: пути взаимодействия / А.Л. Лисовецкий, Л.В. Бертовский, В.М. Поздняков // Суицидология. — 2018. — Т. 9, № 1 (30). — С. 81–86.
50. Сибата С. Религиозные объединения в России и Японии: развитие законодательства в сравнительной перспективе / С. Сибата // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 4. — С. 72–76.
51. Адамова М.А. Участие женщин в террористической деятельности: политологический анализ / М.А. Адамова. — Пятигорск : Пятигор. гос. лингвист. ун-т, 2012. — 129 с.
52. O'Rourke L.A. What's Special about Female Suicide Terrorism? / L.A. O'Rourke. — DOI: 10.1080/09636410903369084 // Security Studies. — 2009. — Vol. 18, iss. 4. — P. 681–718.
53. Corman S.R. The Narrative Rationality of Violent Extremism / S.R. Corman. — DOI: 10.1111/ssqu.12248 // Social Science Quarterly. — 2016. — Vol. 97, iss. 1. — P. 9–18.
54. Carson J.V. Counterterrorism and Radical Eco-Groups: A Context for Exploring the Series Hazard Model / J.V. Carson. — DOI: 10.1007/s10940-013-9211-4 // Journal of Quantitative Criminology. — 2014. — Vol. 30, iss. 3. — P. 485–504.
55. Right-Wing Populism in America: Too Close for Comfort / ed. C. Berlet, M.N. Lyons. — New York : Guilford Publ., 2000. — 499 p.
56. Smith L.W. Death for a Terrorist: Media Coverage of the McVeigh Execution as a Case Study in Interorganizational Partnering between the Public and Private Sectors / L.W. Smith, J.W. Roberts. — DOI: 10.1111/1540-6210.00315 // Public Administration Review. — 2003. — Vol. 63, iss. 5. — P. 515–524.
57. Телешова Л.В. Взаимосвязь и взаимозависимость свойств личности с механизмом и способом совершения преступлений / Л.В. Телешова, А.А. Протасевич // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2015. — № 2 (8). — С. 257–267.
58. Meloy J.R. The Violent True Believer as a «Lone Wolf» — Psychoanalytic Perspectives on Terrorism / J.R. Meloy, J. Yakeley. — DOI: 10.1002/bsl.2109 // Behavioral Sciences & the Law. — 2014. — Vol. 32, iss. 3. — P. 347–365.
59. Carson J.V. Lone Wolf Terrorism: The New Form of the Global Jihadist Movement? Evidence from Afghanistan (1997–2013) / J.V. Carson, M. Suppenbach. — DOI: 10.1080/21520844.2016.1238291 // The Journal of the Middle East and Africa. — 2016. — Vol. 7, iss. 4. — P. 441–453.
60. Gardell M. Urban Terror: The Case of Lone Wolf Peter Mangs / M. Gardell. — DOI: 10.1080/09546553.2018.1444796 // Terrorism and Political Violence. — 2018. — Vol. 30, iss. 5. — P. 793–811.
61. Kerodal A.G. Commitment to Extremist Ideology: Using Factor Analysis to Move beyond Binary Measures of Extremism / A.G. Kerodal, J.D. Freilich, S.M. Chermak. — DOI: 10.1080/1057610X.2016.1141012 // Studies in Conflict & Terrorism. — 2016. — Vol. 39, iss. 7–8. — P. 687–711.
62. Lakhani S. Extreme Criminals: Reconstructing Ideas of Criminality through Extremist Narratives / S. Lakhani. — DOI: 10.1080/1057610X.2018.1450613 // Studies in Conflict & Terrorism. — 2018. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1057610X.2018.1450613>.
63. Dean G. Neurocognitive Risk Assessment for the Early Detection of Violent Extremists / G. Dean. — Cham : Springer, 2014. — 112 p. — DOI: 10.1007/978-3-319-06719-3.
64. Hughes L.A. Neighborhoods, Individuals, and Instrumental Crime in Russia and Ukraine: A Multilevel Test of Merton's Anomie Theory / L.A. Hughes, O. Antonaccio, E.V. Botchkovar. — DOI: 10.1007/s10940-017-9364-7 // Journal of Quantitative Criminology. — 2018. — Vol. 34, iss. 4. — P. 1019–1046.
65. Hale W. C. Extremism on the World Wide Web: A Research Review / W.C. Hale. — DOI: 10.1080/1478601X.2012.704723 // Criminal Justice Studies. — 2012. — Vol. 25, iss. 4. — P. 343–356.
66. Psychological Responses to the Sniper Attacks / J. Schulden, J. Chen, M. Kresnow, I. Arias [et al.]. — DOI: 10.1016/j.amepre.2006.06.014 // American Journal of Preventive Medicine. — 2006. — Vol. 31, iss. 4. — P. 324–327.
67. The Impacts of Virginia Tech and Northern Illinois University Shootings on the Fear of Crime on Campus / R.J. Kaminiski, B.A. Koons-Witt, N.S. Thompson, D. Weiss. — DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2009.11.011 // Journal of Criminal Justice. — 2010. — Vol. 38, iss. 1. — P. 88–98.
68. Телешова Л.В. Комплекс неполноценности личности как детерминанта преступного поведения / Л.В. Телешова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2018. — № 3 (21). — С. 50–58.
69. Circumstances Preceding Homicide-Suicides Involving Child Victims: A Qualitative Analysis / K.M. Holland, S.V. Brown, J.E. Hall, J.E. Logan. — DOI: 10.1177/0886260515605124 // Journal of Interpersonal Violence. — 2015. — Vol. 33, iss. 3. — P. 379–401.
70. Lankford A. Could Suicide Terrorists Actually Be Suicidal? / A. Lankford. — DOI: 10.1080/1057610X.2011.551721 // Studies in Conflict & Terrorism. — 2011. — Vol. 34, iss. 4. — P. 337–366.
71. Comparing Extremist Perpetrators of Suicide and Non-Suicide Attacks in the United States / J.D. Freilich, W.S. Parkin, J. Gruenewald, S.M. Chermak. — DOI: 10.1080/09546553.2017.1297708 // Terrorism and Political Violence. — 2017. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09546553.2017.1297708>.
72. Fridel E.E. Examining Homicide-Suicide as a Current in the Stream Analogy of Lethal Violence / E.E. Fridel, G.M. Zimmerman. — DOI: 10.1093/sf/soy071 // Social Forces. — 2019. — Vol. 97, № 3. — P. 1177–1204.
73. Ардашев Р.Г. Необходимость проверки ситуации посткриминального суицида при раскрытии серийных и массовых убийств / Р.Г. Ардашев, Н.Н. Китаев, В.Н. Китаева // Закон и право. — 2018. — № 5. — С. 125–127.
74. Gearty C. Neo-democracy: 'Useful Idiot' of Neo-liberalism? / C. Gearty. — DOI: 10.1093/bjc/azw010 // The British Journal of Criminology. — 2016. — Vol. 56, iss. 6. — P. 1087–1106.
75. Gruenewald J. A Comparison of Ideologically-Motivated Homicides from the New Extremist Crime Database and Homicides from the Supplementary Homicide Reports Using Multiple Imputation by Chained Equations to Handle Missing Values / J. Gruenewald, W.A. Pridemore. — DOI: 10.1007/s10940-011-9155-5 // Journal of Quantitative Criminology. — 2012. — Vol. 28, iss. 1. — P. 141–162.
76. Экстремизм и его причины / Ю.М. Антонян, А.В. Ростокинский, Я.И. Гилинский, И.Ю. Сундиев ; под ред. Ю.М. Антоняна. — Москва : Логос, 2014. — 228 с.

77. Butler M. Using Specialised Prison Units to Manage Violent Extremists: Lessons from Northern Ireland / M. Butler. — DOI: 10.1080/09546553.2017.1388791 // *Terrorism and Political Violence*. — 2017. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09546553.2017.1388791>.
78. Silke A. Countering Violent Extremism in Prisons: A Review of Key Recent Research and Critical Research Gaps / A. Silke, T. Veldhuis // *Perspectives on Terrorism*. — 2017. — Vol. 11, iss. 5. — P. 2–11.
79. American Terrorism and Extremist Crime Data Sources and Selectivity Bias: An Investigation Focusing on Homicide Events Committed by Far-Right Extremists / S.M. Chermak, J.D. Freilich, W.S. Parkin, J.P. Lynch. — DOI: 10.1007/s10940-011-9156-4 // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2012. — Vol. 28, iss.1. — P. 191–218.
80. Oslo Government District Bombing and Utøya Island Shooting July 22, 2011: The Immediate Prehospital Emergency Medical Service Response / S.J.M. Sollid, R. Rimstad, M. Rehn [et al.]. — DOI: 10.1186/1757-7241-20-3 // *Scandinavian Journal of Trauma, Resuscitation and Emergency Medicine*. — 2012. — Vol. 20. — P. 3–14.
81. Leyton E. *Hunting Humans: The Rise of the Modern Multiple Murderer* / E. Leyton. — New York : Carroll & Graf, 2003. — 336 p.
82. *Guns in American Society: An Encyclopedia of History, Politics, Culture, and the Law* / ed. G.L. Carter. — Santa Barbara : ABC-CLIO, 2012. — 1096 p.
83. Predicting Youth Assault and Institutional Danger in Juvenile Correctional Facilities / D.A. Rembert, W. Threadcraft-Walker, H. Henderson, R. Jackson. — DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2018.07.003 // *Journal of Criminal Justice*. — 2018. — Vol. 58, iss. C. — P. 47–55.
84. Baele S.J. Lone-Actor Terrorists' Emotions and Cognition: An Evaluation Beyond Stereotypes / S.J. Baele. — DOI: 10.1111/pops.12365 // *Political Psychology*. — 2017. — Vol. 38, iss. 3. — P. 449–468.
85. Hamilton C. Contagion, Counterterrorism and Criminology: The Case of France / C. Hamilton, G. Berlusconi. — DOI: 10.1177/1748895817751829 // *Criminology & Criminal Justice*. — 2018. — Vol. 18, iss. 5. — P. 568–584.
86. Testa A. Does Democracy Enhance or Reduce Lethal Violence? Examining the Role of the Rule of Law / A. Testa, J.K. Young, C. Mullins. — DOI: 10.1177/1088767917698181 // *Homicide Studies*. — 2017. — Vol. 21, iss. 3. — P. 219–239.
87. Karstedt S. Comparing Cultures, Comparing Crime: Challenges, Prospects and Problems for a Global Criminology / S. Karstedt. — DOI: 10.1023/A:1012223323445 // *Crime, Law and Social Change*. — 2001. — Vol. 36, iss. 3. — P. 285–308.
88. Папор А.И. Уголовный кодекс России против терроризма / А.И. Папор. — DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178 // *Lex Russica*. — 2017. — № 4 (125). — С. 155–178.

REFERENCES

1. Bastrokin A.I. Counteraction Against Ethnic Crime in the Russian Federation. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh reshenii = Criminal Investigation: Problems and Ways of Their Solution*, 2017, no. 1 (15), pp. 9–12. (In Russian).
2. Sroka A., Garrone F.C.-R., Kumbrián R.D.T. (eds.). *Radicalism and Terrorism in the 21st Century: Implications for Security*. Frankfurt, Peter Lang AG, 2017. 321 p.
3. Mullins C.W., Kavish D.R. Conceal Carry and Race: A Test of Minority Threat Theory in Law Generation. *Social Sciences*, 2017, vol. 6, iss. 4, pp. 149–160. DOI: 10.3390/socsci6040149.
4. Melzer S. *Gun Crusaders: The NRA's Culture War*. New York University Press, 2009. 323 p.
5. Chadee D., Austen L., Ditton J. The Relationship between Likelihood and Fear of Criminal Victimization: Evaluating Risk Sensitivity as a Mediating Concept. *British Journal of Criminology*, 2007, vol. 47, iss. 1, pp. 133–153. DOI: 10.1093/bjc/azl025.
6. Glazzard A., Jespersen S., Maguire T., Winterbotham E. *Conflict, Violent Extremism and Development: New Challenges, New Responses*. London, Palgrave Macmillan, 2018. 107 p. DOI: 10.1007/978-3-319-51484-0.
7. Shashi J. (ed.). *Terrorism, Radicalisation & Countering Violent Extremism: Practical Considerations & Concerns*. London, Palgrave Pivot, 2019. 158 p. DOI: 10.1007/978-981-13-1999-0.
8. Bastrykin A.I., Kirilenko V.P., Shamakhov V.A. (eds.). *Extremism in the Modern World*. Saint Petersburg, North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2018. 444 p.
9. Kramer R. State Crime, the Prophetic Voice and Public Criminology Activism. *Critical Criminology*, 2016, vol. 24, iss. 4, pp. 519–532. DOI: 10.1007/s10612-016-9331-x.
10. Kramer R. State-Organized Crime, International Law and Structural Contradictions. *Critical Criminology*, 2016, vol. 24, iss. 2, pp. 231–245. DOI: 10.1007/s10612-015-9306-3.
11. Belknap J. Activist Criminology: Criminologists' Responsibility to Advocate for Social and Legal Justice. *Criminology*, 2015, vol. 53, iss. 1, pp. 1–22. DOI: 10.1111/1745-9125.12063.
12. Hollander P. Righteous Political Violence and Contemporary Western Intellectuals. *Terrorism and Political Violence*, 2013, vol. 25, iss. 4, pp. 518–530. DOI: 10.1080/09546553.2013.814491.
13. Nomokonov V.A., Sudakova T.M. Positive Criminology — the Criminology of the Future? *Lex Russica*, 2018, no. 9 (142), pp. 29–38. DOI: 10.17803/1729-5920.2018.142.9.029-038. (In Russian).
14. Antonyan Yu.M. Obsession with an Idea as a Motive for Criminal Behaviour. *Lex Russica*, 2017, no. 8 (129), pp. 147–161. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.129.8.147-161. (In Russian).
15. Foucault M. *The Archaeology of Knowledge*. London, Tavistock Publ., 1972. 218 p.
16. Cipriani G., Lucetti C., Danti S., Carlesi C., Nuti A. Violent and Criminal Manifestations in Dementia Patients. *Geriatrics & Gerontology International*, 2016, vol. 16, iss. 5, pp. 541–549. DOI: 10.1111/ggi.12608.
17. Kabanov P.A. Typology and Classification as Methods of Scientific Knowledge of Political Criminals in the Modern Russian Political Criminology. *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*, 2013, no. 3 (30), pp. 56–64. (In Russian).

18. Zhigarev E.S. Individual-scientific Approach as the Method of the Knowledge of the Object of Criminology. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 210–215. (In Russian).
19. Fadeev V.N. Fundamental Criminology. *Vestnik Nizhegorodskoi pravovoi akademii = Bulletin of Nizhny Novgorod Academy of Law*, 2016, no. 9 (9), pp. 13–18. (In Russian).
20. Kazberov P.N., Bovin B.G. General Characteristics of Persons Convicted of Extremist and Terrorist Crimes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 36–53. DOI: 10.17759/psylaw.2019090103. (In Russian).
21. Shpagina E.M. The Integrated Nature of the Method of Psychological Portraying in Law Enforcement. *Psychology and Law*, 2015, vol. 5, no. 4, pp. 71–79. DOI: 10.17759/psylaw.2015050406. (In Russian).
22. Souleles D. How to Study People Who Do Not Want to be Studied: Practical Reflections on Studying Up. *PoLAR: Political and Legal Anthropology Review*, 2018, vol. 41, iss. S1, pp. 51–68. DOI: 10.1111/plar.12253.
23. Douglas J.E., Burgess A.W., Burgess A.G., Ressler R.K. *Crime Classification Manual: A Standard System for Investigating and Classifying Violent Crimes*. San Francisco, Wiley, 2006. 555 p.
24. Lavergne G.M. *A Sniper in the Tower: The Charles Whitman Murders*. Denton, University of North Texas Press, 1997. 324 p.
25. Kirilenko V.P., Alexeyev G.V. Political Technologies and International Conflicts in the Information Space of the Baltic Sea Region. *Baltiiskii region = Baltic Region*, 2018, vol. 10, no. 4, pp. 20–38. DOI: 10.5922/2079-8555-2018-4-2. (In Russian).
26. Maynard J.L. Identity and Ideology in Political Violence and Conflict. *St Antony's International Review*, 2015, vol. 10, no. 2, pp. 18–52.
27. Hall S. *Theorizing Crime and Deviance: A New Perspective*. London, Sage, 2012. 294 p. DOI: 10.4135/9781446251669.
28. LaFree G., Freilich J.D. (eds.). *The Handbook of the Criminology of Terrorism*. New York, John Wiley & Sons, 2017. 1008 p. DOI: 10.1002/9781118923986.
29. Richards J. *Extremism, Radicalization and Security: An Identity Theory Approach*. Cham, Springer, 2017. 228 p. DOI: 10.1007/978-3-319-55203-3.
30. Dannreuther R. Islamic Radicalization in Russia: An Assessment. *International Affairs*, 2010, vol. 86, iss. 1, pp. 109–126. DOI: 10.1111/j.1468-2346.2010.00871.x.
31. Crone M. Radicalization Revisited: Violence, Politics and the Skills of the Body. *International Affairs*, 2016, vol. 92, iss. 3, pp. 587–604. DOI: 10.1111/1468-2346.12604.
32. LaFree G., Jensen M.A., James P.A., Safer-Lichtenstein A. Correlates of Violent Political Extremism in the United States. *Criminology*, 2018, vol. 56, iss. 2, pp. 233–268. DOI: 10.1111/1745-9125.12169.
33. Pyrooz D.C., LaFree G., Decker S.H., James P.A. Cut from the Same Cloth? A Comparative Study of Domestic Extremists and Gang Members in the United States. *Justice Quarterly*, 2018, vol. 35, iss. 1, pp. 1–32. DOI: 10.1080/07418825.2017.1311357.
34. Wettersten J. The Rationality of Extremists: A Talmonist Insight We Need to Respond to. *Social Epistemology*, 2012, vol. 26, iss. 1, pp. 31–53. DOI: 10.1080/02691728.2011.634528.
35. Harris D.J., Simi P., Ligon G. Reporting Practices of Journal Articles that Include Interviews with Extremists. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2016, vol. 39, iss. 7–8, pp. 602–616. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1141009.
36. Jackson S. Non-normative Political Extremism: Reclaiming a Concept's Analytical Utility. *Terrorism and Political Violence*, 2019, vol. 31, iss. 2, pp. 244–259. DOI: 10.1080/09546553.2016.1212599.
37. Asal V., Vitek A. Sometimes They Mean what They Say: Understanding Violence Among Domestic Extremists. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 2018, vol. 11, iss. 2, pp. 74–88. DOI: 10.1080/17467586.2018.1470659.
38. Jensen M.A., Seate A.A., James P.A. Radicalization to Violence: A Pathway Approach to Studying Extremism. *Terrorism and Political Violence*, 2018. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09546553.2018.1442330>. DOI: 10.1080/09546553.2018.1442330.
39. Richards A. From Terrorism to «Radicalization» to «Extremism»: Counterterrorism Imperative or Loss of Focus? *International Affairs*, 2015, vol. 91, iss. 2, pp. 371–380. DOI: 10.1111/1468-2346.12240.
40. Malkki L., Fridlund M., Sallamaa D. Terrorism and Political Violence in the Nordic Countries. *Terrorism and Political Violence*, 2018, vol. 30, iss. 5, pp. 761–771. DOI: 10.1080/09546553.2018.1447184.
41. Alakoc B.P. Competing to Kill: Terrorist Organizations Versus Lone Wolf Terrorists. *Terrorism and Political Violence*, 2017, vol. 29, iss. 3, pp. 509–532. DOI: 10.1080/09546553.2015.1050489.
42. Schuurman B., Bakker E., Gill P., Bouhana N. Lone Actor Terrorist Attack Planning and Preparation: A Data-Driven Analysis. *Journal of Forensic Sciences*, 2018, vol. 63, iss. 4, pp. 1191–1200. DOI: 10.1111/1556-4029.13676.
43. Phillips B.J. Deadlier in the U.S.? On Lone Wolves, Terrorist Groups, and Attack Lethality. *Terrorism and Political Violence*, 2017, vol. 29, iss. 3, pp. 533–549. DOI: 10.1080/09546553.2015.1054927.
44. Uecker J.E. Religious and Spiritual Responses to 9/11: Evidence from the Add Health Study. *Sociological Spectrum*, 2008, vol. 28, iss. 5, pp. 477–509. DOI: 10.1080/02732170802206047.
45. Cooper K., Walker C. Security from Terrorism Financing: Models of Delivery Applied to Informal Value Transfer Systems. *The British Journal of Criminology*, 2016, vol. 56, iss. 6, pp. 1125–1145. DOI: 10.1093/bjc/azw057.
46. Hudson B. Justice in a Time of Terror. *The British Journal of Criminology*, 2009, vol. 49, iss. 5, pp. 702–717. DOI: 10.1093/bjc/azp034.
47. Dinesen P.T., Jæger M.M. The Effect of Terror on Institutional Trust: New Evidence from the 3/11 Madrid Terrorist Attack. *Political Psychology*, 2013, vol. 34, iss. 6, pp. 917–926. DOI: 10.1111/pops.12025.
48. Liem M., Nieuwebeerta P. Homicide Followed by Suicide: A Comparison with Homicide and Suicide. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 2010, vol. 40, iss. 2, pp. 133–145. DOI: 10.1521/suli.2010.40.2.133.
49. Lisovetski A.L., Bertovsky L.V., Pozdnyakov V.M. Suicidology and Criminalistics: Ways of Interaction. *Suitsidologiya = Suicidology*, 2018, vol. 9, no. 1 (30), pp. 81–86. (In Russian).

50. Shibata S. Religious Associations in Russia and Japan: Development of Legislation in the Comparative Prospect. *Konstitut-sionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2018, no. 4, pp. 72–76. (In Russian).
51. Adamova M.A. *Uchastie zhenshchin v terroristicheskoi deyatelnosti: politologicheskii analiz* [Participation of women in terrorism activities: a political analysis]. Pyatigorsk State Linguistic University Publ., 2012. 129 p.
52. O'Rourke L.A. What's Special about Female Suicide Terrorism? *Security Studies*, 2009, vol. 18, iss. 4, pp. 681–718. DOI: 10.1080/09636410903369084.
53. Corman S.R. The Narrative Rationality of Violent Extremism. *Social Science Quarterly*, 2016, vol. 97, iss. 1, pp. 9–18. DOI: 10.1111/ssqu.12248.
54. Carson J.V. Counterterrorism and Radical Eco-Groups: A Context for Exploring the Series Hazard Model. *Journal of Quantitative Criminology*, 2014, vol. 30, iss. 3, pp. 485–504. DOI: 10.1007/s10940-013-9211-4.
55. Berlet C., Lyons M.N. (eds.). *Right-Wing Populism in America: Too Close for Comfort*. New York, Guilford Publ., 2000. 499 p.
56. Smith L.W., Roberts J.W. Death for a Terrorist: Media Coverage of the McVeigh Execution as a Case Study in Inter-organizational Partnering between the Public and Private Sectors. *Public Administration Review*, 2003, vol. 63, iss. 5, pp. 515–524. DOI: 10.1111/1540-6210.00315.
57. Teleshova L.V., Protasevich A.A. The Interconnection and Interdependence of Personality Traits with the Mechanism and the Method of Committing Crimes. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2015, no. 2 (8), pp. 257–267. (In Russian).
58. Meloy J.R., Yakeley J. The Violent True Believer as a «Lone Wolf» — Psychoanalytic Perspectives on Terrorism. *Behavioral Sciences & the Law*, 2014, vol. 32, iss. 3, pp. 347–365. DOI: 10.1002/bsl.2109.
59. Carson J.V., Suppenbach M. Lone Wolf Terrorism: The New Form of the Global Jihadist Movement? Evidence from Afghanistan (1997–2013). *The Journal of the Middle East and Africa*, 2016, vol. 7, iss. 4, pp. 441–453. DOI: 10.1080/21520844.2016.1238291.
60. Gardell M. Urban Terror: The Case of Lone Wolf Peter Mangs. *Terrorism and Political Violence*, 2018, vol. 30, iss. 5, pp. 793–811. DOI: 10.1080/09546553.2018.1444796.
61. Kerodal A.G., Freilich J.D., Chermak S.M. Commitment to Extremist Ideology: Using Factor Analysis to Move beyond Binary Measures of Extremism. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2016, vol. 39, iss. 7–8, pp. 687–711. DOI: 10.1080/1057610X.2016.1141012.
62. Lakhani S. Extreme Criminals: Reconstructing Ideas of Criminality through Extremist Narratives. *Studies in Conflict & Terrorism*, 2018. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/1057610X.2018.1450613>. DOI: 10.1080/1057610X.2018.1450613.
63. Dean G. *Neurocognitive Risk Assessment for the Early Detection of Violent Extremists*. Cham, Springer, 2014. 112 p. DOI: 10.1007/978-3-319-06719-3.
64. Hughes L.A., Antonaccio O., Botchkovar E.V. Neighborhoods, Individuals, and Instrumental Crime in Russia and Ukraine: A Multilevel Test of Merton's Anomie Theory. *Journal of Quantitative Criminology*, 2018, vol. 34, iss. 4, pp. 1019–1046. DOI: 10.1007/s10940-017-9364-7.
65. Hale W.C. Extremism on the World Wide Web: A Research Review. *Criminal Justice Studies*, 2012, vol. 25, iss. 4, pp. 343–356. DOI: 10.1080/1478601X.2012.704723.
66. Schulden J., Chen J., Kresnow M., Arias I., Crosby A., Mercy J., Simon T., Thomas P., Davies-Cole J., Blythe D. Psychological Responses to the Sniper Attacks. *American Journal of Preventive Medicine*, 2006, vol. 31, iss. 4, pp. 324–327. DOI: 10.1016/j.amepre.2006.06.014.
67. Kaminski R.J., Koons-Witt B.A., Thompson N.S., Weiss D. The Impacts of Virginia Tech and Northern Illinois University Shootings on the Fear of Crime on Campus. *Journal of Criminal Justice*, 2010, vol. 38, iss. 1, pp. 88–98. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2009.11.011.
68. Teleshova L.V. Inferiority Complex Personality as a Determinant of Criminal Behavior. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2018, no. 3 (21), pp. 50–58. (In Russian).
69. Holland K.M., Brown S.V., Hall J.E., Logan J.E. Circumstances Preceding Homicide-Suicides Involving Child Victims: A Qualitative Analysis. *Journal of Interpersonal Violence*, 2015, vol. 33, iss. 3, pp. 379–401. DOI: 10.1177/0886260515605124.
70. Lankford A. Could Suicide Terrorists Actually Be Suicidal? *Studies in Conflict & Terrorism*, 2011, vol. 34, iss. 4, pp. 337–366. DOI: 10.1080/1057610X.2011.551721.
71. Freilich J.D., Parkin W.S., Gruenewald J., Chermak S.M. Comparing Extremist Perpetrators of Suicide and Non-Suicide Attacks in the United States. *Terrorism and Political Violence*, 2017. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09546553.2017.1297708>. DOI: 10.1080/09546553.2017.1297708.
72. Fridel E.E., Zimmerman G.M. Examining Homicide-Suicide as a Current in the Stream Analogy of Lethal Violence. *Social Forces*, 2019, vol. 97, no. 3, pp. 1177–1204. DOI: 10.1093/sf/soy071.
73. Ardashev R.G., Kitaev N.N., Kitaeva V.N. The Necessity of Consideration of Postcriminal Suicide during Investigation of Serial and Mass Murders. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2018, no. 5, pp. 125–127. (In Russian).
74. Gearty C. Neo-democracy: 'Useful Idiot' of Neo-liberalism? *The British Journal of Criminology*, 2016, vol. 56, iss. 6, pp. 1087–1106. DOI: 10.1093/bjc/azw010.
75. Gruenewald J., Pridemore W.A. A Comparison of Ideologically-Motivated Homicides from the New Extremist Crime Database and Homicides from the Supplementary Homicide Reports Using Multiple Imputation by Chained Equations to Handle Missing Values. *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, vol. 28, iss. 1, pp. 141–162. DOI: 10.1007/s10940-011-9155-5.
76. Antonyan Yu.M., Rostokinskii A.V., Gilinskii Ya.I., Sundiev I.Yu.; Antonyan Yu.M. (ed.). *Ekstremizm i ego prichiny* [Extremism and its Causes]. Moscow, Logos Publ., 2014. 228 p.
77. Butler M. Using Specialised Prison Units to Manage Violent Extremists: Lessons from Northern Ireland. *Terrorism and Political Violence*, 2017. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/09546553.2017.1388791>. DOI: 10.1080/09546553.2017.1388791.

78. Silke A., Veldhuis T. Countering Violent Extremism in Prisons: A Review of Key Recent Research and Critical Research Gaps. *Perspectives on Terrorism*, 2017, vol. 11, iss. 5, pp. 2–11.

79. Chermak S.M., Freilich J.D., Parkin W.S., Lynch J.P. American Terrorism and Extremist Crime Data Sources and Selectivity Bias: An Investigation Focusing on Homicide Events Committed by Far-Right Extremists. *Journal of Quantitative Criminology*, 2012, vol. 28, iss. 1, pp. 191–218. DOI: 10.1007/s10940-011-9156-4.

80. Sollid S.J.M., Rimstad R., Rehn M., Nakstad A.R., Tomlinson A.-E., Strand T., Heimdal H.J., Nilsen J.E., Sandberg M. Oslo Government District Bombing and Utøya Island Shooting July 22, 2011: The immediate pre-hospital emergency medical service response. *Scandinavian Journal of Trauma, Resuscitation and Emergency Medicine*, 2012, vol. 20, pp. 3–14. DOI: 10.1186/1757-7241-20-3.

81. Leyton E. *Hunting Humans: The Rise of the Modern Multiple Murderer*. New York, Carroll & Graf, 2003. 336 p.

82. Carter G.L. (ed.). *Guns in American Society: An Encyclopedia of History, Politics, Culture, and the Law*. Santa Barbara, ABC-CLIO, 2012. 1096 p.

83. Rembert D.A., Threadcraft-Walker W., Henderson H., Jackson R. Predicting Youth Assault and Institutional Danger in Juvenile Correctional Facilities. *Journal of Criminal Justice*, 2018, vol. 58, iss. C, pp. 47–55. DOI: 10.1016/j.jcrimjus.2018.07.003.

84. Baele S.J. Lone-Actor Terrorists' Emotions and Cognition: An Evaluation beyond Stereotypes. *Political Psychology*, 2017, vol. 38, iss. 3, pp. 449–468. DOI: 10.1111/pops.12365.

85. Hamilton C., Berlusconi G. Contagion, Counterterrorism and Criminology: The Case of France. *Criminology & Criminal Justice*, 2018, vol. 18, iss. 5, pp. 568–584. DOI: 10.1177/1748895817751829.

86. Testa A., Young J.K., Mullins C. Does Democracy Enhance or Reduce Lethal Violence? Examining the Role of the Rule of Law. *Homicide Studies*, 2017, vol. 21, iss. 3, pp. 219–239. DOI: 10.1177/1088767917698181.

87. Karstedt S. Comparing Cultures, Comparing Crime: Challenges, Prospects and Problems for a Global Criminology. *Crime, Law and Social Change*, 2001, vol. 36, iss. 3, pp. 285–308. DOI: 10.1023/A:1012223323445.

88. Rarog A.I. The Criminal Code of Russia against Terrorism. *Lex Russica*, 2017, no. 4 (123), pp. 155–178. DOI: 10.17803/1729-5920.2017.125.4.155-178. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кириленко Виктор Петрович — заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.vvaas@yandex.ru.

Алексеев Георгий Валерьевич — доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: deltafox1@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кириленко В.П. Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия / В.П. Кириленко, Г.В. Алексеев // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 4. — С. 612–628. — DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirilenko, Viktor P. — Head, Chair of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management, Saint Petersburg branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: v.vvaas@yandex.ru.

Alekseev, Georgy V. — Ass. Professor, Chair of Law, North-West Institute of Management, Saint Petersburg branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Saint Petersburg, the Russian Federation; e-mail: deltafox1@yandex.ru.

FOR CITATION

Kirilenko V.P., Alekseev G.V. Extremists: criminals and victims of radical violence. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 4, pp. 612–628. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(4).612-628. (In Russian).